

Сергея, ты кажешься человеком с агрессивным темпераментом. Бешеный, дикий какой-то, можешь послать. Это мешает — режиссерам, твоим партнерам, может быть, тебе самому?

— Это не может помешать, потому что и в кино, и в театре нужны какие-то аномалии. Без этого невозможно. Тогда это будет не кино, а сплошная мертвечина. Я нахожусь в гармонии тридцать с лишним лет и в кино, и в театре, практически со всеми. За исключением двух-трех моментов, когда мне или кто-то просто по-человечески не нравился, или я понимал, что он несостоятелен как художник. Мне было неинтересно, и я разрывал.

— Я знаю, тебя многие побаиваются.

— Побаиваются, потому что я бескомпромиссный. Я максималист.

— Что это значит?

— Если мне первоначально что-то не понравилось в человеке, то в конечном итоге я убеждаюсь, что был совершенно прав. Я не понимаю, как можно соглашаться с бездарью и в итоге делать то, что эта бездарь мне говорит. Для меня это неприемлемо. Бездарь — это человек, который не в состоянии мне помочь. Чем больше актер, тем больше ему нужна помощь. Если не помогаешь, то хотя бы не мешай. Вот в чем мой максимализм.

— Тогда у тебя должно быть очень много проблем?

— Да, но я их решаю за счет себя. Для этого мне не надо уничтожать человека, как это делала одна моя партнерша, известная актриса. Она уничтожала человека, с которым работала, — тем не менее картины получались замечательные. Я такими вещами не занимаюсь. Я выше этого, потому что знаю себе цену. Я знаю, что могу очень многое. Я не гонюсь за славой. В юности, еще студентом, я прочитал, по-моему, у Ван Гога: "Кто верит, тот не торопится". Для меня она стала аксиомой. Я не суежусь в этой жизни.

— Но мне как раз кажется, что ты все время суеишься: ты бесконечно в телевизоре, в каких-то жюри, конкурсах...

— Я имею в виду, что я не бегаю за ролями, не бью себя в грудь: ах, почему меня три года не снимают? Да просто я не хочу, чтобы меня снимали лишь бы в чем. Никогда себе в жизни не позволю — в говне работать!

— Говорят, ты очень многое можешь себе позволить — например, уйти с роли. Я знаю, ты с "Зимней вишни" ушел.

— В "Вишне" меня не устроила партнерша.

— Лена Сафонова?

— Непрофессиональная она. Слабая для меня.

Для меня она оказалась слабой. Я объяснил это режиссеру Игорю Масленникову. Сказал, что не могу с такой актрисой работать. Для меня это несерьезно. Зачем я буду полгода жизни тратить с девушкой, которая не может в кадре заплакать? Мне это не нужно. Ты понимаешь, мне это просто не нуж-но! Причем в этом даже не было прецедента — мы сняли только одни проезды. И как только дошли до настоящей сцены, девушка оказалась несостоятельной. А заниматься педагогикой у меня не было времени.

— А разве ты не думаешь, что у фильма может быть успех, ты будешь еще популярнее?

— Я в этом смысле не меркантильный. Я тщеславный, потому что художник должен быть тщеславным. Иначе трудно, чтобы он чего-то достиг. Мне было совершенно плевать, что будет с фильмом "Земля Санникова", где я должен был играть. Я взял и через месяц съемок уехал с этой картины. Правда, со скандалом. С двумя художниками на "Мосфильме".

— Что тебя не устроило?

— Меня не устроили режиссеры. Такие двое парней, ничего делать не умеют. Так они потом и сгинули куда-то. Мы на съемках договорились с Олегом Далем и Владом Дворжецким, что откажемся с ними работать: пусть дадут других режиссеров — сделаем хорошую картину. А когда приехали в Москву, Олег с Владом меня предали: они согласились работать дальше. Я пошел до конца и написал заявление. Столько лет прожить в кино и чтобы у тебя все было гладко — это надо быть только Георгием Михайловичем Вициным! Который в ладах с потусторонним миром и вообще мужик такой странный. А я нормальный человек. Грешник. Я сейчас два месяца ковырялся с одним спектаклем — репетировал бесплатно, — и тоже ушел. Я просто понял, что спектакля не будет, и аккуратно, нежно попросил меня отпустить. Со скандалом.

— Вокруг тебя всегда скандалы? Ты и из Театра Советской Армии уходил как-то шумно...

— Да, из ста человек коллектива один Шакуров пришел и шмякнул заявление об стол! Начальнику, которого боялись все. А я молодой, но я вот не боюсь.

— Но ты же актер — ты зависимый человек, ты должен чего-то бояться?

— Я живу интуицией. Голова говорит — не надо это делать, а интуиция — надо, и все! Иначе я не я. Но я никогда не совершал придурочных поступков, идиотских, когда могли бы сказать: "Ну, Шакуров, ты — идиот!" Для такой "шизы" у меня достаточно хорошие мозги. Я не совершал неуправляемых поступков. Мнения мне мало что говорят.

— А два художника на "Земле Санникова" — это тоже на грани?

— Я уже не мог отказаться, остановиться. Это было бы вопреки моему разуму, который мне в тот момент говорил: "Ты что, Сергеа, делаешь?" Но у меня, кроме бешенства, ничего не было. А после бешенства наступила апатия. Я вырубил этих двух людей из своей жизни — Далея и Дворжецкого. После того как они меня предали, они для меня не существовали — царство им небесное.

— А ты можешь так вырубить человека и больше с ним никогда не общаться?

— Могу. Я не умею сказать: "Ты — подлец" — а после улыбаться и здороваться. У меня есть люди известные, но как будто их нет. Я их забываю.

Я не забываю голову лишним. Я не читаю бессмысленных книг только потому, что все их читают. Не бегу смотреть кино или спектакль, на которые все бегут. Я откладываю и пойду, когда мне этого захочется. Мнения мне мало что говорят. Мне нужно убедить самого себя, что это действительно хорошо. Были некоторые совпадения. Я посмотрел "Пролетая над гнездом кукушки", был потрясен, а потом озвучил Николсона, когда еще дубляж был нормальный.

— Я знаю еще, что ты отказался сниматься в последнем фильме Ларисы Шепитко "Прощание с Матерой".

— Там была история бытовая. Меня поселили в отель, Элем Климов был на съемке, никого, кроме администратора, не было, и приехал Ваня Бортник с женой на какую-то роль. И его не захотели селить в гостинице. Я их посылал в свой номер, написал записку: "Элем, с такой группой, при таком директоре я работать не могу". Подсунул под дверь, сел в поезд и уехал. Элем мне звонил: "Сергей, это подло!" Да, это подло, хотя бы в памяти о Ларисе, но я не могу сносить, когда людей ак унижают. Что-то отталкивает — и все.

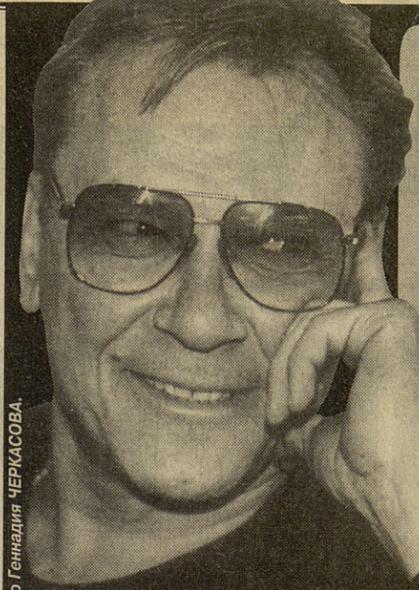

Фото Геннадия Черкасова.

Сергей Каюмович Шакуров живет бешеной жизнью. Непонятно даже, когда он спит. В течение дня он — в тридцати местах. Интервью мы делали в три захода: вначале сидели, потом бежали, потом ехали в машине. Заканчивали, когда остановились у метро. Потом он уехал опять в свои тридцать мест — за лекарствами, к друзьям, на репетицию... Пока ехали, он как профессионал строил всех "чайников" по рядам. Люди в машинах открывали рты. Шакуров этого как будто не замечал. Он понимал, что, если быстро всех не построишь, не объяснишь круто, как он умеет, какому "козлу" поворачивать, а какому лучше просто замереть, не приедешь вовремя туда, где он должен быть.

Он — наша настоящая звезда. Не из тех, каких много. А из тех, кого мало. Такие, настоящие, могут позволить себе роскошь: не выпендриваться, а просто жить.

БЕШЕНЫЙ

Сергей ШАКУРОВ: "Я знал, что я лучший"

— А поджать хвостик?

— А у меня его, наверное, нет.

— Ты снимался у Соловьева, Михалкова, Абдрашитова, Кончаловского, Хуциева, Тодоровского. Ты их мог бы вот так послать, если тебе директор не понравился?

— А я и с Климовым бы хорошо работал. Если бы не моя аномалия или, как ты это называешь, агрессивность. Я и у очень известных много снимался. Чтобы не закостенеть, не стать мэтром. Я это ненавижу в актерах, которые становятся мэтрами.

— Как ты считаешь: среди молодых есть настоящие артисты?

— Что-то не очень вижу. Им не хватает внутренней энергетики. Такое ощущение, что все они достаточно поверхностные, все "делают под себя". Смотришь хрестоматийно тебе известного Чехова и понять не можешь: о чем речь? Женя Сиимонова со своим мужем сделали "Анну Каренину" — ничего не поймешь! Потому что подмяли под себя, а заниматься Толстым — зубы себе ломать — нет ни времени, ни сил. Школа моего поколения — Володька Ильин, Наташа Гундарева, Саша Калягин, Олег Табаков, но он чуть постарше, — научила нас все делать изнутри. Поэтому мы все время росли. А они не растут.

— Мне кажется, у тебя замечательный период связан с фильмом "Свой среди чужих..." Михалкова. Все там такие молодые, счастливые. Наверное, удивительная жизнь была тогда?

— Там все было в эйфории счастья. Даже не эйфории — тогда действительно было счастье. Потому что была атмосфера необычная, даже в сравнении с фильмами, в которых я до этого снимался. Никита был такой коммуникабельный, веселый, заводной. Была команда обвальная: Адабашьян, с которым мы дружили, — мозговой центр, Паша Лешев... У них все клеилось, все приходило в состояние движения только по одному вилу. И тут же все спроецировалось на работу. И вот тебе, пожалуйста, результат. Без чудовищных мучений. Я вообще не могу работать в муках. Для меня работать — это получать удовольствие.

— А почему с Михалковым дальше не пошло?

— Не знаю.

— Ты там не проявил аномалию?

— Нет. Потом мы с ним встретились на "Сибири" у его брата и у Панкротова-Белого на "Портрете жены художника". Дружили, хулиганили, играли в теннис, выпивали — никаких разговоров относительно работы не было.

— Ты вообще не просишь ролей?

— Никогда никого в жизни не просил. У меня это отсутствует. Я всегда востребован.

— А сейчас у тебя нет ощущения, что ты невостребованный?

— Я без комплексов.

— Для артиста ты слишком нормальный.

— Когда мы с Никитой играли в теннис, он не терпел проигрыша. Он не умеет проигрывать. Ни в какую. Это было для него потеря настроения на полдня. Я как бывший профессиональный спортсмен понимаю, что проигрывать тоже необходимо. Это часть жизни.

— Какой у тебя был спорт?

— Я был акробатом: захотелось крутиться коренным. Но я и там рано достиг очень мощных результатов — очень быстро стал мастером спорта.

— Тебе во всем нужно добиваться больших результатов?

— Да, конечно. Для меня философия одна: или я первый, или никакой.

— Как же ты решил сниматься в "Любимой женщине механика Гаврилова"? Ведь ты согласился на роль, которой практически не было?

— Чистая интуиция. Интуиция сказала: "Это нужно брать! Сергеа, сегодня никто не сделает это лучше тебя!" Там финал даже был другой. Он у него вообще выезжал на инвалидной коляске, забинтованный. Я сказал, что такой финал играть не могу. Тогда не надо было Шакурова брать. Баба полтора часа говорит про мужика, мучается, плачет — и вдруг приедет придурок в коляске! Я сам придумал себе финал. Пята Тодоровский сначала офонарел, но он — молодец, что согласился. Он чувствовал, что во мне что-то такое есть.

— Ты татарин или полукровка?

— Полукровка. Отец — татарин, мать — русская.

— Москвич?

— Я родился на Арбате. Был абсолютно свободным парнем. Это потом сработало на профессионал, потому что эта профессия требует полной свободы. Студенты все заканчивают гениями, а потом приходят в театр — и становятся шмакодыкками-мышками. Этого во мне никогда не было. Мне не надо было проходить школу освобождения.

Я сразу знал, что я лучший. Ничего искусственного во мне нет. Мне и в жизни нужно минимальное — быть счастливым и свободным. Я не люблю эти виллы-шмиллы, погоню за дачами, престижными машинами. Я езжу на подаренных машинах. "Мерседес" мне подарил друг. Эту ("БМВ") банк подарил. Мне совершенно наплевать — престижность-непрестижность. Я знаю, что могу за пояс

заткнуть любого актера, живущего в этой стране. Про зарубежных не знаю. Но я всех уложу. Для меня практически нет уязвимых точек — этим ремеслом я владею досконально. Поэтому я могу делать на сцене и в кино все, что мне заблагорассудится.

— Ты все можешь играть в кино, а в жизни?

— А в жизни я не играю. Мне достаточно того, что я играю на сцене. Я в жизни естественный человек. Я даже врать не умею. В детстве моя тренерша называла меня Серым. Я ни от кого никогда не зависел и не завишу. Никогда не бегал за званиями, не выпрашивал каких-то льгот. Все само приходило. Какой-нибудь... не буду называть кто — го-то жопу подставить, чтобы ему чего-нибудь туда присобачили. Я абсолютно лишен таких вещей. Я — как одинокий волк. А сейчас — в буквальном смысле одинокий волк. Просто я был обременен семьей, но в принципе понял, что мне никто не нужен. Я сам могу разобраться со всеми своими проблемами. И я никогда не чувствовал себя одиноким, потому что я избалован любовью. Меня всегда любили. Я с детства испытывал постоянную любовь.

— Когда ты был счастлив?

— Я понял, что счастье — это просто жить на земле. Совершенно неважно, с одной ты ногой или с двумя, слепой или не слепой. Ты рожден — уже счастье! Толстой сказал: "Человек ко всему привыкает, кроме собственной смерти".

Я не умею мечтать. Для меня это слишком абстрактно. В понедельник замечтал, а в четверг мечта осуществилась? По моей философии, мечта — это то, что неосуществимо. Тогда к ней можно очень сильно, целеустремленно, много, долго, десятилетия идти. И, может быть, даже достичь.

— Ты расстался с женой — для тебя это до сих пор драма?

— Драма не в том, что распался брак, а в том, что разваливается структура — ребенок, все остальное. С женщиной, в конце концов, можно договориться и жить. Хотя я как-то не могу договариваться. Я и тут максималист. Многие не любят, а живут. Это мне непонятно. Если нет любви, то какой смысл? Любовь — это один из Божьих даров. Я влюбчивый очень, мне это во многом помогло. В конечном итоге — в работе. В состоянии влюбленности меня подкидывало на очень хорошие вещи. Это классное состояние. Я благодарен, что одарен этим.

Я просто не представляю, как можно жить не любя. Лучше просто удовлетворять свои физиологические потребности и быть честным перед самим собой. А жить и притворяться, поздравлять "милую" с днем рождения, дарить фальшивые цветы даже ради ребенка — бессмысленно.

— Сколько у тебя детей?

— Двое. Сын от первого брака и дочка от второго — 12 лет. Сын большой — ему 30. Он работает на телевидении. Мы любим друг друга, видимся. Просто постоянно не хватает времени.

— Ты всегда жил так быстро?

— До 35 время тянется медленно. После 40 счетчик начинает крутиться со страшной силой. Чувствуешь, что год проходит, как неделя, становится страшновато. Начинаешь закручиваться в этот ритм. Я темпераментный, живой — да, я действительно быстрый. Мне проще добежать, чем доехать. Я не могу стоять в пробке: я лучше брошу машину и добежу. Мне быстрее доехать к человеку, чем полчаса набирать его номер. Мой биоритм скачет, как мои годы. И я скачу вместе с ним. Но это все живет со мной в гармонии. Все зацеплено. Ничего лишнего просто не происходит. И моя жизнь, и работа, и то, что происходит в политике, в стране.

Я вижу все, но смотрю на это по-философски. Я не переживаю, не принимаю близко к сердцу, не пью валидол, кого там выбрали или не выбрали. Я в политику не лезу. Я для нее просто не рожден. Или я сделал так, чтобы она меня не касалась. Предохранился, как женщина.

— После ухода от жены ты долго снимал какие-то квартиры, а теперь, я знаю, купил свою. И вроде бы Наталья Гундарева тебе ее обустроивала?

— Наташа окончила техникум, если не ошибаюсь, металлобетонных конструкций. Она занималась планированием — у нее на это просто дар от природы. Я купил квартиру, один раз зашел в нее, понял, что из нее ничего хорошего не сделать, и ушел в ужасе. В ней до этого жили бомжи, костры там жгли. Наташа приехала, посмотрела и сказала: "Больше в эту квартиру не заходи. Придешь, когда все будет готово, через четыре месяца". Через четыре месяца я вошел в квартиру. Я не знал, что там будет, мне было неважно, что где стоит, — мне было важно, что это дом, в котором можно жить. Потому что для меня он был началом новой жизни. Я приехал, и он меня устроил. Я его принял.

— Твоя новая жизнь — какая она?

— После того, как я остался один, я ушел в себя. Мне не на что было больше опираться. Когда нет семьи, круг сужается. И проблем в том числе. Я стал больше заниматься собой. И буквально за полгода свободной жизни очень много сделал: записал сразу несколько песен, сыграл в новом спектакле...

— Ты по-прежнему один?

— Я по-прежнему один. Никого пока не хочу, балдею от этого состояния. Пока не пооголодаю. Тем более что с "меню" проблем нет.

— А что ты ешь? Приходит домой одинокий красивый мужчина, народный артист — кушать хочется?

— У меня есть Фонд мира, которым я руководжу. Там много женщин в правлении, которые с удовольствием, как своему сыну, делают мне борщи, супы, на 3—4 дня — большие кастрюли. Я их ем, потом возвращаю, мне другой суп делают. Коллеты всякие...

— Ты капризный в еде?

— Я ем немного, но мне практически все равно что.

— Одеваясь ты себя сам или тоже консультанты имеешь от Фонда мира?

— Одеваю я себя сам, и мне тоже абсолютно неважно, что на мне. Я безразличен к престижной одежде. Я знаю, что я все равно хорошо выгляжу, во что бы я ни влез. И бабы на меня все равно смотрят.

— Тебя никогда не посещает естественное желание послать эту жизнь куда-нибудь подальше, сбегать, уехать, никого не видеть?

— А зачем? Я живу в гармонии с собой. Я не разрушитель. Я коммуникабельный. Андрон Кончаловский когда-то говорил мне, что я слишком серьезно отношусь к жизни. Он меня знал, но не все: я серьезный, но не до такой степени. Мною движет еще одна аксиома, кажется, от Питера Брука: "В каждом серьезном деле должна присутствовать безответственность". Я таким и был — абсолютно безответственным. Я не думаю о будущем, никогда не строю планов. Не знаю, что будет завтра. Для меня это глупости. Я в свободе живу, как волк. Вот скажи мне: до водопада надо пройти 20 километров, иначе я помру от жажды.

— Говори. Что ты делаешь?

— Я знаю, что 20 километров надо идти до водопада, но я точно знаю, что за эти 20 километров я найду место, где будет вода. Она там просто должна быть.

Наталья РТИЦЕВА.